

ЭКОНОМИКА,
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ВЛИЯНИЕ КУРСА ВАЛЮТЫ
НА ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ:
ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

© 2019 г. А. Поливач

*ПОЛИВАЧ Александр Петрович, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (apolivach@imemo.ru).*

Статья поступила в редакцию 01.07.2019.

В статье рассматриваются методологические проблемы, возникающие при проведении анализа влияния колебаний валютного курса на показатели внешней торговли. Эти проблемы часто не принимаются во внимание при проведении эмпирических исследований, что делает их результаты малоприменимыми для практического применения, если целью является стимулирование национального экспорта инструментами курсовой политики. При этом во внешнеэкономических спорах используется аргументация, которая основывается на иных методологических подходах. Автор предлагает возможные методы анализа такой аргументации.

Ключевые слова: валютный курс, экспорт, импорт, сальдо торгового баланса.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-17-25

Идея данной статьи возникла у автора в процессе изучения обширной литературы, посвященной выявлению степени влияния валютного курса на внешнюю торговлю. Как правило, в подобных работах основное внимание сосредоточено на математических инструментах анализа доступных данных. При этом практически не уделяется внимания проблемам общеметодологического характера, которые находятся на этапе, предшествующем применению математического анализа. Тем самым, как представляется, существенно недооценивается серьезность методологических проблем.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В последние 25 лет позиции ведущих государств в мировой торговле достаточно сильно изменились (рис. 1). В отношении некоторых из них, например Китая или Германии, со стороны США периодически выдвигаются обвинения в том, что их успехи во внешней торговле достигнуты благодаря искусственному занижению курса своих валют.

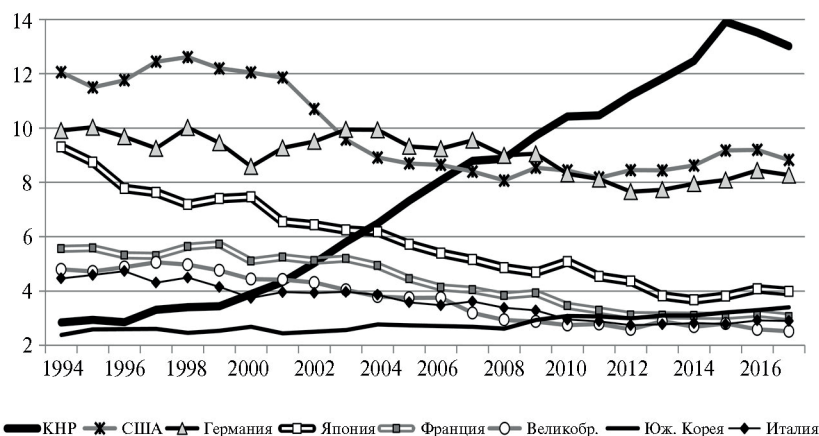
Однако сама по себе динамика валют крупнейших стран-экспортеров не дает повода для таких утверждений. Так, в рассматриваемый период доля Китая стремительно выросла. В последние годы Поднебесная занимает первое место в международной торговле со значительным отрывом от остальных, хотя юань в основном заметно укрепился. В тоже время в Южной Корее курс вон в целом ослаблялся, а доля страны в мировом экспорте хотя и выросла в 1.5 раза, но это достижение не идет ни в какое сравнение с китайским (рис. 2).

Как показывает исторический опыт, риторика американской администрации по поводу валютных курсов других государств не является просто выражением экспертного мнения. После выдвигания подобных обвинений США могут перейти и к практическим действиям, вводя экономические санкции или другие ограничения в отношении “неудобных” стран-контрагентов.

В этой связи возникает вопрос, насколько вообще научно доказанным является представление о столь определяющем влиянии на внешнеэкономические показатели конкретных стран колебаний курсов их валют. Ведь из него следует, что больших успехов в экспорте можно легко добиться при помощи всего лишь простого ослабления национальной валюты.

Анализу возможной зависимости динамики экспорта или импорта от колебаний валютного курса посвящен значительный массив научной литературы. Однако, в целом на основе имеющихся исследований, трудно сделать однозначный и бесспорный вывод. В тоже время редко задаются вопросом, а возможно ли вообще строго научно доказать наличие подобного влияния валютного курса на внешнюю торговлю?

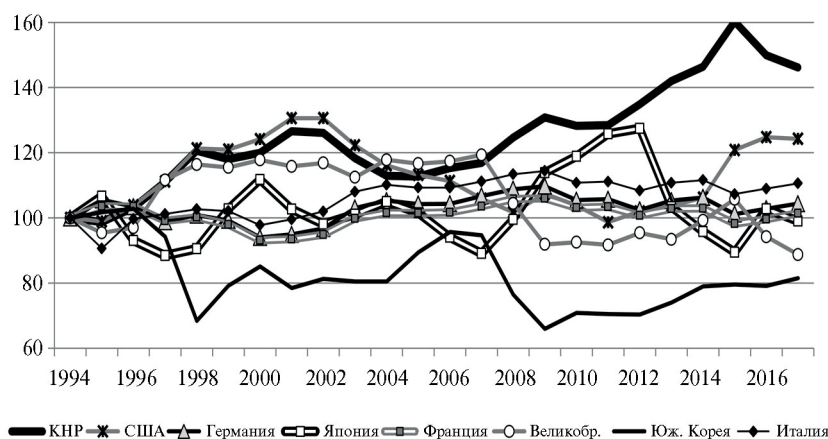
Такой вопрос возникает, поскольку основные усилия исследователей направлены на подбор и применение эконометрического инструментария, наилучшим образом подходящего для сопоставительного анализа динамических рядов показателей экспорта (импорта) и валютного курса. Однако, как представляется, основные методологические проблемы находятся на этапе, предше-

Рис. 1. Доли крупнейших стран-экспортеров в совокупном мировом экспорте, 1994–2017 гг., %

Примечание: приведены страны – крупнейшие экспортеры в 2017 г.

Рассчитано автором по: [1].

Рис 2. Индексы номинальных эффективных обменных курсов валют крупнейших стран-экспортеров в 1994–2017 гг. (1994=100)

Примечание: приведены валюты стран, которые являлись крупнейшими экспортерами по результатам 2017 г.

Рассчитано автором по: [2].

ствующем использованию математического инструментария.

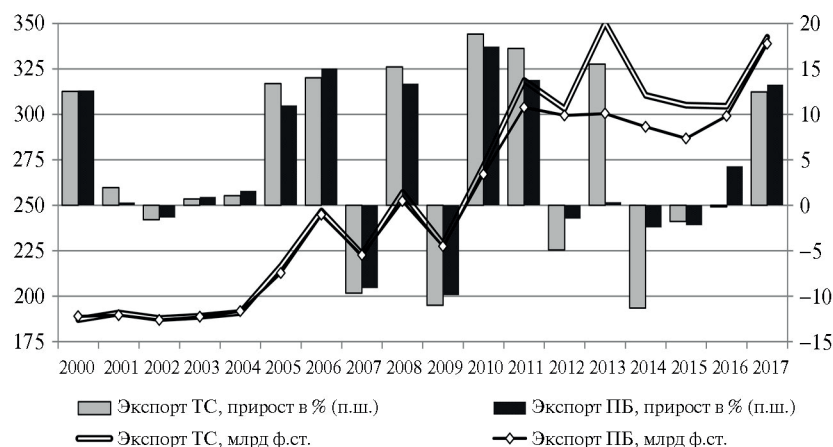
ВЫБОР ПОКАЗАТЕЛЯ ЭКСПОРТА (ИМПОРТА)

Первая сложность возникает с определением того, какие конкретно агрегированные статистические показатели наиболее точно отражают понятие экспорта (импорта) страны именно в том смысле, в каком после проведения анализа его результаты будут применять к реальному экономическому процессу, каковым является внешняя торговля. Поясним эту мысль.

Существуют как минимум 4 варианта агрегированных показателей экспорта (импорта) страны: по

данным таможенной статистики, по методологии платежного баланса, по данным торговых партнеров, по принципу учета только добавленной стоимости, созданной в стране-экспортере. Все они характеризуются несовпадающими численными показателями. На примере Великобритании (рис. 3) заметно, что экспорт по данным таможенной статистики и по методологии платежного баланса не только не совпадал количественно, но и имел заметно различающуюся динамику в некоторые периоды. Но тогда какой из этих вариантов правильный, то есть точно отражает понятие “экспорт страны”? Однозначного ответа до сих пор не предложено.

Если же сравнивать торговую статистику, ведущуюся в странах-контрагентах (это называют “зеркальной торговой статистикой”), то она в прин-

Рис 3. Динамика экспорта Великобритании в 2000–2017 гг. по данным таможенной статистики и методологии платежного баланса

Примечания: экспорт ТС – экспорт по данным таможенной статистики; экспорт ПБ – экспорт по методологии платежного баланса. Прирост экспорта в % рассчитан по сравнению с предыдущим годом.

Рассчитано автором по: [4, 5].

ципе никогда не дает совпадающих результатов. Причин здесь существует много. Приведем пример одной из них.

Так, по данным Федеральной таможенной службы РФ, машинокомплекты, импортируемые из Южной Кореи для сборки на отечественных автомобильных заводах, классифицируются в нашей таможенной статистике как набор компонентов (двигатели, кузова, шасси), каждый из которых имеет свой код учета, но в южнокорейской экспортной статистике эти машинокомплекты классифицируются как готовые автомобили [3]. То есть в данном случае, как и во многих других, в странах-контрагентах одни и те же объекты торговли воспринимаются и учитываются по-разному.

Аналогичные несоответствия существуют и при определении страны назначения, критериев временного ввоза товаров и транзитного товара, даты отражения операции в статистическом отчете и т.д. К тому же эти несоответствия непропорционально и неупорядоченно распределяются и по временным отрезкам. Поэтому, как представляется, данные имеющейся торговой статистики не являются достаточно точными и непротиворечивыми для того, чтобы на их основе провести научно обоснованный анализ, выводы из которого можно было бы затем применить на практике.

Вышеупомянутые первые три варианта агрегированных показателей внешней торговли страны на практике в той или иной степени включают в свой состав товары, которые фактически не изготовлены в рассматриваемой экономике, но входят в состав более сложных товаров, произведенных в ней и затем экспортированных, или же вообще являются некорректно учтенными транзитными

товарами. В этой связи в отношении такой статистики неизбежно возникает резонный вопрос: насколько точно она вообще отражает понятие “экспорт страны”?

Одним из набирающих популярность методов решения этой проблемы является анализ трансграничных товарных потоков исходя из расчета только величины стоимости, добавляемой в конкретной стране в экспортируемые из нее продукты. В рамках такого метода торгуемые товары также подразделяют на конечные (потребляемые в стране назначения экспорта) и промежуточные, которые включаются в состав других товаров, производимых на экспорт в рассматриваемой экономике.

Это весьма перспективный подход, однако, результаты его расчетов существенно зависят от определения того, какой товар отнести к категории конечных, а какой – промежуточных. Ситуация здесь неоднозначная. Например, автомобиль, купленный частным лицом, является конечным товаром. Когда такой же автомобиль приобретает компания для того, чтобы смонтировать на нем дополнительное оборудование и отправить на экспорт (уже в составе некой системы), он становится промежуточным товаром. Однако если та же компания купила тот же автомобиль для своих корпоративных нужд, то в рамках таможенной классификации возможны оба варианта. С одной стороны, этот автомобиль физически не покидает страну, а с другой – его стоимость все равно каким-нибудь образом будет включена в цену товаров, которые экспортирует рассматриваемая компания.

Еще одна трудность связана с товарами, производимыми на экспорт предприятиями, входящими в состав транснациональных компаний. В дан-

ном случае не так легко вычленить стоимость, добавленную внутри конкретной страны, поскольку внутрифирменные поставки комплектующих происходят по внутрифирменным трансфертным ценам, которые оптимизированы с учетом различий в законодательствах разных стран и инвестиционных обязательств ТНК по отношению к конкретным правительствам. Есть и другие сложности с вычленением добавленной стоимости, созданной в конкретной экономике. Эти и другие проблемы учета международной торговли в категориях добавленной стоимости уже рассматривались на страницах журнала “МЭ и МО” [6].

Таким образом, основные варианты доступной статистики внешней торговли оказываются не в полной мере соответствующими представлению о том, что есть точный экспорт (импорт) конкретной страны, и не в полной мере совпадающими друг с другом. Заметим, что вышеуказанные несоответствия редко принимают во внимание, просто списывая их на различия в применяемой методологии. Однако, как представляется, для того чтобы заявить какое-либо исследование как строго научное и доказательное, такой подход неприемлем.

Если разные методологии дают неодинаковые результаты измерения одного и того же экономического явления, то это значит, что (1) некоторые методологии не являются аналитически корректными или же (2) фактически они измеряют различные явления. Возможно также, что измеряется одно и то же явление, но не полностью, то есть каждый метод измеряет его однобоко. В отношении методологий измерения внешнеторговых показателей присутствуют явные признаки последнего варианта. Поэтому неясно, в какой мере результаты анализа, полученные на основе таких данных, можно соотносить с реально происходящими процессами экспорта или импорта.

ОЧИСТКА ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТАТИСТИКИ ОТ ЦЕНОВЫХ ИСКАЖЕНИЙ

Вопрос здесь в том, использовать ли исходную статистику внешней торговли (то есть показатели в текущих ценах) или произвести перерасчет в по-

стоянные цены. Логика подсказывает, что данные в текущих ценах с течением времени искажаются инфляцией и скачками мировых цен на биржевые товары. Например, в импорте США топливно-энергетические и сырьевые товары (ТЭСТ) занимают существенную долю (табл. 1). Очевидно, что колебания мировых цен на эти товары будут заметно исказить динамику американского импорта.

Исходя из этого, кажется, что необходимо очистить показатели американского импорта от всплесков, вызванных хотя бы ростом мировых цен на сырье. Соответственно, после выполнения такой операции, его объем в денежном выражении уменьшится. Как правило, в эмпирических исследованиях на этой стадии и заканчивается процесс очистки от ценовых искажений.

Однако логика проведения операций в международной торговле определяется текущими, а не постоянными ценами. Просто скорректировать показатели в текущих ценах на индекс цен импортных товаров было бы некорректно с системной точки зрения. Дело в том, что если мы в аналитических целях сокращаем объемы американского импорта сырья в денежном выражении на величину роста цен на них, это значит, что надо, соответственно, пересчитать в сторону уменьшения доходы стран — экспортеров сырья, которые они получили именно за счет данного роста цен. Следствием этого должно быть сокращение импорта этих стран из США (и из других развитых стран) на эту величину.

Следовательно, затем необходимо дополнительно пересчитать и экспорт из США в сторону сокращения из-за уменьшения внешнего спроса по причине недополученных странами-экспортерами сырья доходов. А если экспорт из США сократился, значит, в какой-то мере сократился и спрос американской экономики на импортное сырье. То есть теперь импорт необходимо еще раз пересчитать в сторону понижения. И так по кругу, пока не произойдет полное “затухание” показателей. Полученные таким образом результаты вряд ли можно будет считать отражающими реальные процессы во внешней торговле.

Пересчет внешнеторговых показателей в постоянных ценах способен приводить и к еще более заметным противоречиям. Например, если пере-

Таблица 1. Топливо-энергетические и сырьевые товары (ТЭСТ) в импорте США, млрд долл.

	2000	2005	2008	2010	2011	2015	2016	2017
Импорт всего	1218.0	1673.5	2103.6	1913.9	2207.9	2248.8	2187.6	2341.9
Импорт ТЭСТ	109.1	227.5	400.9	285.9	360.1	140.8	113.6	147.6
Доля ТЭСТ, %	9.0	13.6	19.1	14.9	16.3	6.3	5.2	6.3
Нефть Брент, долл./барр.	28.5	54.5	97.3	79.5	111.3	52.4	43.7	54.2

Примечание: цена нефти приведена в среднегодовом исчислении.
Рассчитано автором по: [7, 8].

считать показатели внешней торговли России из текущих цен в постоянные, то вместо положительного сальдо торгового баланса может появиться отрицательное (табл. 2). Таким показателям торгового баланса РФ должны были бы соответствовать и показатели обменного курса ее валюты, отличные от существовавших в тот период, потому что дефицит торгового баланса оказывает заметное понижающее давление на курс национальной валюты, а профицит – наоборот повышающее. Иначе говоря, при анализе динамических рядов показателей внешней торговли России, скорректированных указанным образом, и валютного курса последний также необходимо скорректировать в сторону понижения.

Таблица 2. Внешняя торговля РФ в 2007 г., млрд долл.

Экспорт в текущих ценах	351.9
Импорт в текущих ценах	199.8
Сальдо торгового баланса в текущих ценах	152.1
Экспорт в ценах 1999 г.	136.2
Импорт в ценах 1999 г.	169.4
Сальдо торгового баланса в ценах 1999 г.	-33.2

Рассчитано автором по: [2; 9; 10; 11].

На практике же в 2002–2008 гг. наблюдалось постоянное укрепление валютного курса рубля. Более того, в новейшей истории России никогда не наблюдалось отрицательное сальдо торгового баланса. В те годы, когда российский экспорт существенно сокращался по причине падения мировых цен на сырье, также сильно сжимался и российский импорт.

Из вышесказанного следует, что если мы скорректируем соответствующим образом курс рубля, то с учетом уже скорректированных показателей внешней торговли в конечном итоге получится модель со своими взаимосвязями, которые отличаются от наблюдаемых в действительности. Возможно ли после этого переносить результаты ее исследования на реальные процессы? Как представляется, нет. Получается замкнутый круг: показатели в текущих ценах искажены колебаниями цен и не вполне пригодны для точного анализа происходящих процессов, а в случае их очистки от ценовых колебаний создаются несоответствующие действительности соотношения.

ПРОБЛЕМА ПРИСУТСТВИЯ ПОКАЗАТЕЛЯ ВАЛЮТНОГО КУРСА В ДИНАМИЧЕСКИХ РЯДАХ

Тот факт, что современную международную торговлю обслуживают несколько валют и что большую часть внешней торговли всех государств

(кроме США) обслуживают не их национальные валюты, создает еще одну существенную методологическую проблему. Так, для получения сводных показателей экспорта или импорта страны необходимо все ее внешнеторговые операции (каким бы методом они не собирались) пересчитать из разных валют в одну. Иначе говоря, необходимо включить в расчеты данные о валютных курсах.

По этой причине статистику внешней торговли какой-либо страны практически невозможно очистить от имманентно присутствующих в ней показателей валютных курсов. Однако, с точки зрения методики корреляционного анализа, при сопоставлении динамических рядов на предмет выявления зависимости одного от другого некорректно сравнивать показатели, если один из них входит в состав другого. В случае анализа внешней торговли и валютного курса именно так и происходит. Тем самым корреляционный анализ фактически выявляет связь валютного курса с самим собой.

Поясним ситуацию на примере экспорта Российской Федерации. Таможенная статистика РФ публикуется в американских долларах. При этом доллар обслуживает подавляющую часть российского экспорта, а отечественный рубль – весьма незначительную. Так, по итогам 2018 г. их доли составляли 67.3% и 13.6% соответственно, еще 17.3% приходилось на долю евро [10]. То есть пересчету в доллары подвергается около 1/3 части экспорта. Соответственно, в агрегированных показателях валютный курс присутствует ограниченно.

Посчитав простую корреляцию между показателями экспорта, выраженными в долларах, и среднегодовым курсом рубля к доллару автор получил коэффициент корреляции в размере 0.58¹. Если же использовать показатели экспорта РФ, пересчитанные в рубли, то коэффициент корреляции вырастает до 0.86. Это не удивительно, поскольку при пересчете в рубли валютный курс стал присутствовать уже в подавляющей части отечественного экспорта.

Получается, что если в результате корреляционного анализа динамических рядов показателей внешней торговли и валютного курса обнаруживается высокая зависимость первой от последнего, то это методологически неправомерно трактовать как истинное доказательство наличия такой зависимости. Возможно, для данной страны валютный курс просто в значительной мере присутствует в агрегированных показателях внешней торговли. Если же

¹ Использован стандартный показатель, указывающий количество рублей за 1 доллар. Коэффициент корреляции Пирсона рассчитан для годовых показателей совокупного экспорта РФ в текущих ценах и показателей среднегодового обменного курса рубля к доллару в период 1992–2018 гг.

сложных показателей валютных курсов (номинального эффективного, реального эффективного), то, как представляется, фактическая композиция номинальных валютных курсов в их структуре и структура валют, фактически обслуживающих внешнюю торговлю рассматриваемой страны, и будут определять итоговые коэффициенты корреляции.

Ограниченные размеры журнальной статьи не позволяют рассмотреть все относящиеся к рассматриваемой теме методологические проблемы. Однако даже краткое рассмотрение основных из них позволяет утверждать, что трудности их решения не позволяют в полной мере и научно обоснованным образом ответить на вопрос, насколько динамика экспорта (импорта) конкретной страны зависит от колебаний курса ее национальной валюты.

ПОДХОДЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ВО ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКЕ

На практике упомянутым выше методологическим проблемам не придается особого значения, поскольку во внешнеэкономических спорах между правительствами аргументация строится на ином основании. Как правило, используются показатели внешней торговли в текущих ценах и обменные курсы валют стран-контрагентов без учета фактического использования этих валют в обслуживании внешней торговли. В случае рассмотрения показателей внешней торговли страны со всем миром для расчетов берется реальный эффективный валютный курс. В такой системе координат доказательством влияния валютного курса на внешнюю торговлю является простой факт совпадения динамики валютного курса с динамикой экспорта (импорта).

Иначе говоря, существенное влияние валютного курса на внешнюю торговлю априорно принимается как факт, не подлежащий обсуждению. Соответственно, с целью выявления государств, которые умышленно занижают курсы своих валют, дабы стимулировать экспорт, идут от обратного. То есть обращают внимание на страны, хронически имеющие существенный торговый профицит или значительное положительное сальдо по текущему счету. Если при этом у таких стран одновременно отмечаются значительные объемы интервенций их властей на валютном рынке (покупка иностранной валюты), то делается вывод об использовании политики искусственного занижения курса национальной валюты для стимулирования своего экспорта.

Именно на подобной методологии основывается, например, «Доклад о политике основных торговых партнеров США в области макроэкономики и обменных курсов их валют», который министерство финансов США дважды в год представляет в Конгресс. Доклад имеет статус официального

экспертного обоснования для обвинений в отношении конкретных государств в том, что они практикуют манипулирование курсом своей валюты по отношению к доллару США с целью предотвратить выравнивание своего платежного баланса или получить неправомерные конкурентные преимущества для своих экспортных поставок на американский рынок.

Российская Федерация не является крупным торговым партнером Соединенных Штатов, поэтому в данном докладе она обычно не упоминается. Справедливости ради следует заметить, что последний раз недвусмысленное заключение о манипулировании какой-либо страной курсом своей валюты в данном докладе содержалось лишь в 1994 г. применительно к КНР. Нет такого вывода и в самом свежем докладе [12], однако используемые формулировки дают представление о характере аргументации, применяемой в американской внешнеэкономической политике.

Так, в тексте отмечается, что министерство финансов продолжит оказывать давление на основных торговых партнеров США, которые длительное время имеют крупные профициты во внешней торговле. Декларируемая при этом цель – поддержать более сильный и сбалансированный рост глобальной экономики путем переориентации макроэкономической политики таких стран на стимулирование их внутреннего спроса, а также на предупреждение продолжительного использования ими в области валютно-курсовой и торговой политики таких мер, которые создавали бы им нечестные конкурентные преимущества [12, р. 2].

Итак, в сфере внешнеэкономической политики представление об определяющем влиянии валютного курса на торговлю принимается в качестве аксиомы. В случае же появления закономерных сомнений в ее истинности вся логическая схема рушится, а приводимая аргументация может потерять свое обоснование. Если попытаться проверить наличие такого влияния на торговлю со стороны валютного курса строго научными методами, то мы сталкиваемся с методологическими проблемами, которые были рассмотрены выше. Но даже при условии их решения, выводы из таких проверок мало пригодны для оценки аргументов, используемых во внешнеэкономической политике, поскольку, как мы уже отмечали, они строятся на ином основании.

ПРОВЕРКА АРГУМЕНТАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ВО ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Данная аргументация базируется на совпадении динамики показателей валютного курса и внешней торговли. При этом игнорируется су-

ществование других факторов воздействия на оба рассматриваемых показателя. Следовательно, сама по себе такая аргументация не может рассматриваться как строго научно обоснованная.

Известные зарубежные экономисты, например Р. Дорнбуш и С. Фишер, отмечали по этому поводу, что если, например, серьезное ужесточение фискальной политики в стране приведет к сокращению ее импорта, то соответственно улучшится и текущий баланс. Однако если это произошло на фоне девальвации национальной валюты, то результат скорее будет ассоциироваться именно с ней, нежели с сокращением доходов или ростом налога на добавленную стоимость импортных товаров, произошедшего в рамках ужесточения фискальной политики [13, р. 581]. Иначе говоря, здесь мы имеем дело с достаточно субъективным отбором и интерпретаций совпадений неких экономических явлений.

Проверка рассматриваемой логической схемы и вытекающей из нее аргументации возможна только прямым способом, то есть созданием очень большого количества таблиц или графиков, которые отображали бы динамику показателей валютных курсов и двусторонней торговли хотя бы ведущих государств мира за достаточно длительный промежуток времени. Только это позволило бы детально и наглядно представить хронологические изменения анализируемых переменных экспорта, импорта и валютного курса.

Также только таким образом можно проверить, действительно ли, как это часто утверждается, в какой-то период времени в двусторонней торговле тех или иных государств наблюдались совпадения динамики упомянутых параметров, причем настолько часто, чтобы можно было делать обоснованные выводы. Разумеется, по своему объему такого рода анализ выходит далеко за пределы журнальной статьи. Автор провел детальное исследование поставленной проблемы (см. подробнее [14]). Оно охватывает двустороннюю торговлю между 15 крупнейшими странами-участницами в период 1994–2017 гг. Цель состояла в выявлении случаев совпадения годовых темпов роста экспорта и импорта с соответствующей фазой (укрепление или ослабление) валютного курса в среднегодовом исчислении. Тем самым проверялось утверждение, применяемое в аргументации внешнеторговой политики, согласно которому случаи ослабления валютного курса должны совпадать с ростом экспорта и сокращением импорта, а укрепления, наоборот, с уменьшением экспорта и увеличением импорта.

Проведенные подсчеты показали, что искомые совпадения реально наблюдались только в 15% случаев, а если провести их с лагом по курсу ва-

люты в 1 год, тогда количество таких случаев несколько увеличилось (15,8%). При этом количество выявленных случаев противоположного свойства (то есть когда ослабление валютного курса происходило одновременно с сокращением экспорта и ростом импорта, а укрепление, наоборот, с ростом экспорта и сокращением импорта) лишь немного уступало количеству совпадений – 13,0 и 12,2% соответственно. В подавляющем же числе случаев (72%) экспорт и импорт рассмотренных стран росли или сокращались синхронно, хотя и с разными темпами [14, сс. 80–83].

Разумеется, применительно к данным результатам может быть высказано возражение по поводу того, что при расчетах использовались чрезмерно жесткие требования. Иначе говоря, не логичнее ли было сопоставлять динамику параметров валютного курса и внешней торговли для выявления более “мягких” совпадений. Например, ослабление валюты не обязательно должно совпадать с сокращением экспорта. Достаточно, если будет зафиксировано замедление темпов его роста.

Подобный анализ был также произведен автором. Упомянутые мягкие совпадения можно оценить с помощью расчета простого коэффициента корреляции в парах между валютным курсом и экспортом; валютным курсом и импортом. Расчеты для рассмотренных 15 крупнейших участников международной торговли показали, что наблюдается очень мало пар коэффициентов с противоположными знаками.

Выявление таких пар имеет принципиально важный характер, поскольку проверяемое утверждение предполагает, что валютный курс должен оказывать противоположное воздействие на экспорт и импорт. Однако из 198 рассмотренных пар двусторонней торговли только в 14 случаях без лага по курсу валюты и в 17 случаях с лагом коэффициенты корреляции имели противоположные знаки. При этом показатели по модулю у этих пар приближались к нулю [14, сс. 84–85]. Кроме того, в целом показатели коэффициентов во всех парах при двусторонней торговле были достаточно низкими. Уровень 0,9 и выше наблюдался достаточно редко. Данное обстоятельство указывает, что на практике динамика курса валюты по направлению не совпадает с экспортом и импортом таким образом, как это представляется в аргументации, используемой во внешнеторговой политике.

В большом числе случаев двусторонней торговли рассматриваемых стран обнаружен очень высокий коэффициент корреляции напрямую между экспортом и импортом (свыше 0,9), причем всегда с положительным знаком. В случаях же совокупной торговли каждой из рассматриваемых стран со всем миром показатели корреляции между экс-

портом и импортом у всех них без исключения находились на уровне 0.96 и выше [14, с. 86]. Как представляется, подобный результат может отражать не только характер современной международной торговли товарами, потоки которых большей частью идут в рамках внутрифирменных поставок, но и определяющую роль факторов спроса и предложения, обусловленных экономическим ростом или спадом в странах-партнерах.

* * *

Для научно обоснованного анализа зависимости между показателями валютного курса, с одной стороны, и экспорта (импорта) — с другой, прежде всего необходимо провести очистку сопоставляемых динамических рядов от влияния других факторов (цен, конъюнктуры рынков и т.д.). При этом даже после выявления степени зависимости между скорректированными показателями открытым останется вопрос об их экстраполяции на реальные процессы, которые по-прежнему подсчитываются и оцениваются в нескорректированных показателях.

В дискуссиях по внешнеторговой политике и обвинениях в адрес некоторых государств в умышленном занижении курса национальной валюты с целью получения неправомерных конкурентных преимуществ используются нескорректированные параметры, а именно: показатели экспорта и импорта, а также их динамика в текущих ценах. При этом от таких стран требуют провести изменения, также оцениваемые в нескорректированных показателях, например, ослабить номинальный курс валюты в соответствии с текущими ценами, а не постоянными.

При этом редко обращают внимания на то, что в условиях современной международной торговли

экспортеры часто принимают в оплату не свою национальную валюту, а валюту импортера или, еще чаще, третьей страны (американский доллар). Во внешней торговле развивающихся стран их собственные валюты практически не используются. Это обстоятельство ставит под сомнение логику увязывания экспортных успехов какой-либо страны с курсом ее национальной валюты.

Вместе с тем широко известны причины, которые на практике выводят валютный курс из ряда факторов, определяющих внешнюю торговлю. В их число входит прежде всего высокий уровень глобализации, достигнутый мировой экономикой в последние 30 лет. Налицо такие особенности внешней торговли, которые не наблюдались в предыдущие полвека, а именно: низкие тарифные барьеры, широкое распространение глобальных цепочек создания стоимости, доминирование внутрифирменных поставок в трансграничном обороте товаров. При этом наблюдается вынос производства крупными и средними фирмами из развитых стран в развивающиеся (в последние годы, впрочем, в некоторых странах отмечается и обратный процесс). Кроме того, широкое развитие получило контрактное производство на международном уровне, а также создание сборочных производств конечных продуктов ближе к потребителю.

Все это крайне затрудняет объективное прояснение первоначальных вопросов: что в составе экспортного (импортного) потока той или иной страны составляет именно ее собственное производство (потребление), а также в государстве с какой валютой создается тот или иной продукт (его компоненты). Без их разрешения строго научно доказать (или опровергнуть) тезис о влиянии валютного курса на внешнюю торговлю представляется затруднительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *International Monetary Fund. Direction of Trade Statistics Dataset (DOTS)*. Available at: <http://data.imf.org/> (accessed 15.05.2019).
2. *International Monetary Fund. International Financial Statistics Dataset (IFS)*. Available at: <http://data.imf.org/> (accessed 15.05.2019).
3. Константинов А. Коварная статистика: откуда расхождения в данных о внешней торговле. *РБК*, 18.06.2019. [Konstantinov A. Kovarnaya statistika: otkuda raznochteniya v dannyh o vneshnei torgovle [Tricky statistics: why there is incoherence in foreign trade data]. *RBC*, 18.06.2019.] Available at: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/18/06/2019/5d07b0479a794756ffabd7a4?from=center> (accessed 18/06/2019).
4. *Office for National Statistics. UK Total Trade: All Countries, Non-Seasonally Adjusted*. Available at: <https://www.ons.gov.uk/businessindustryandtrade/internationaltrade/datasets/ukttotaltradeallcountriesnonseasonallyadjusted> (accessed 29.05.2019).
5. *UK Revenue & Customs*. Available at: <https://www.uktradeinfo.com/Statistics/BuildYourOwnTables/Pages/Table.aspx> (accessed 29.05.2019).
6. Варнавский В. Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 1, сс. 5-15. [Varnavskii V. Mezhdunarodnaya torgovlya v kategoriyakh dobavlennoi stoimosti: voprosy metodologii [International trade in value added terms: methodological issues]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 1, pp. 5-15.] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15
7. *BP Statistical Review of World Energy, June 2018*. Available at: <http://www.bp.com/statisticalreview> (accessed 04.02.2019).

8. *TradeStats Express. International Trade Administration, U.S. Department of Commerce.* Available at: <http://tse.export.gov/TSE/TSEhome.aspx> (accessed 19.05.2019).
9. *Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС)/Росстат.* [Joint inter-organizational statistics system (EMISS)/Rosstat (In Russ.)] Available at: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (accessed 15.04.2019).
10. *Статистика внешнего сектора. Центральный Банк Российской Федерации.* [Central Bank of Russian Federation (In Russ.)] Available at: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (accessed 28.03.2019).
11. *Таможенная статистика внешней торговли. Федеральная таможенная служба Российской Федерации.* [Customs statistics. Federal customs service of Russian Federation (In Russ.)]. Available at: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:2:2255306188884013::NO> (accessed 18.04.2019).
12. *Macroeconomic and Foreign Exchange Policies of Major Trading Partners of the United States.* Report to Congress by U.S. Department of the Treasury. May, 2019. 45 p. Available at: <https://home.treasury.gov/policy-issues/international/macroeconomic-and-foreign-exchange-policies-of-major-trading-partners> (accessed 18.06.2019).
13. Begg D., Dornbusch R., Fischer S., Vernasca G. *Economics.* London, McGraw-Hill Education, 2011. 716 p.
14. Поливач А.П. *Валютный курс и внешняя торговля ведущих стран мира.* Москва, Весь Мир, 2019. 422 с. [Polivach A.P. *Valyutnyi kurs i vneshnyaya trgovlya vedushchikh stran mira* [Exchange rate and external trade of major countries]. Moscow, Ves' Mir Publishing, 2019. 422 p.]

INFLUENCE OF EXCHANGE RATE ON FOREIGN TRADE INDICATORS: METHODOLOGICAL ISSUES

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 11, pp. 17-25)

Received 01.07.2019.

Alexander P. POLIVACH (apolivach@imemo.ru)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article is dedicated to methodological issues that inevitably emerge if to begin the analysis of influence of the exchange rate on external trade. The author points out that before choosing an appropriate econometric tool for such analysis we have to make clear several principal questions. First of them is that we have four methods of measuring exports (imports) – customs statistics, balance of payments method, data of the trade partners (so-called mirror statistics) and external trade in terms of value added. All of them are not consistent with each other not just in data but even in its dynamics. The author believes that none of them is correct enough for a scientifically correct analysis. The next problem: in what prices (current or constant) the external trade should be measured? No doubt, the data in current prices misrepresents the real processes. Unfortunately, when the trade data in constant prices is used nobody takes care that the exchange rate fluctuations reflect current prices dynamics and respectively there are no attempts to adjust it somehow to constant prices. But if we use trade data in constant prices and exchange rates are somehow modified to comply with constant prices data, so it is doubtful that the created model reflects real relationships. Another methodological problem is the immanent presence of the exchange rate data series within the trade time series. That happens because actual external trade is served by different currencies, while the aggregate data is calculated in a single currency (national currency or US dollars). To make an aggregate data a substantial part of a country's trade must be recalculated into one currency by using exchange rate data. So, when we use two time series – trade and exchange rate, in fact the latter is present in both time series. Respectively, results of the correlation analysis of such pairs are likely misrepresent the actual relationships between two variables. However, the arguments of the external trade policy-makers when they blame some countries for benefiting of undervalued exchange-rates are based on different approach. These arguments cannot be affected by the abovementioned methodological problems which face any science-based research. Within the trade policy arguments they just take into account some coincidence between foreign trade dynamics (in current prices) and exchange rates fluctuation. Once observed this coincidence is proliferated to all cases and all countries. The author offers its own methodology of how to check particularly those correlations between exchange rates and trade flow dynamics, which are most often asserted by the policymakers.

Keywords: exchange rate, export, import, trade balance, correlation, methodology.

About author:

Alexander P. POLIVACH, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-17-25